

Олег Губарь

Год Крысы

Несколько лет назад озорная экспозиция Сада скульптур Одесского литературного музея пополнилась иронической и вместе с тем доброй композицией под названием «Музейная крыса», придуманной моим старым товарищем Лёней Липтугой. Слово-сочетание в общем привычное, устойчивое, есть даже одноименный популярный роман. Полагаю, это производная от вошедшего в лексикон значительно ранее – «библиотечная крыса». В обиходе также и «архивная крыса». Семантика совершенно прозрачна: страстная, порой чрезмерная привязанность к книге, музейным экспонатам, архивным документам. И все это, заметьте, обо мне. Я крыса триединая – библиотечная, архивная, музейная.

Но тут крутой поворот от моделей и метафор в событийную хронику, к реальным реперным точкам памяти. Вероятно, многие засомневаются, сочтут гиперболой заявление о том, что крыса когда-то спасла мне жизнь, что приключилось это, к тому же, в год Крысы и имело счастливые последствия опять-таки в крысиный год. Но все было именно так, как я сейчас расскажу, несколько не прибегая к беллетризации сюжета.

В ночь на 15 октября 1972 года воинская часть, в которой я проходил срочную службу, находилась на объекте – аэродроме близ Белопесочного бора. Было уже довольно прохладно, и меня нарядили протопить котел на метеостанции, в коей имелась и комната для офицеров. Котельная помещалась при входе и заглублялась примерно на метр ниже уровня пола внутренних помещений. Раскочегарив котел и подкинув уголька, решил покемарить. Приспособленную для спуска в котельную небольшую деревянную лестницу водрузил на форматный металлический

Наши друзья из Одесского литературного музея собрались у скульптурной группы, созданной Олегом Черноивановым по идее Леонида Липтуги при поддержке партнера музея – АО «ПЛАСКЕ»

угольный ящик, накрыл ее бушлатом и кое-как улегся. Пробудился от зуда в носу. С трудом отворив глаза, узрел сидящую прямо на моей груди крупную усатую крысу. Попытался вскочить, но не получилось. С трудом поворотившись набок, свалился на цементный пол. Дыхание сбилось, перед глазами расплывались хрестоматийно многоцветные, но тускнеющие круги. Не помню, каким макаром выбрался из котельной в коридор, а оттуда на открытое пространство.

Что это было? Ничего особенного. Я так старательно раскалил котел, что офицеры в светелке изрядно упрели. Некто зашел в котельную и прикрыл заслонку. Меня просто-напросто не заметил,

да кому бы и в голову пришло инспектировать изобретенное мною «спальное место»? Если бы не крыса, я бы угорел. Что там у нее было на уме, когда щекотала меня усами, сказать трудно, но я до сих пор жив, озадачен и совершенно отчетливо вижу перед собой ее темный абрис на фоне алеющего котла.

Прошло ровно 24 года, два полных цикла, и в ночь на 15 октября 1996 года родился мой старший сын Федор. При этом жизнь – его и матери – висела на волоске. Возможно, на крысином волоске, а потому они живы и здравствуют.

Минуло еще 12 лет. Я стал регулярно проводить октябрь в лесном массиве за 400 километров от Одессы. Там и обнаружился мой покровитель – нерукотворный древесный Крыс, который, знаю, давно меня дожидался. Такой себе идол. Прихожу к нему по несколько раз в сезон. Как ни смешно, оставляю ему записочки с пожеланиями, совсем по-детски, однако, уверяю вас, действительно. 27 химиотерапий, а я себе нахально живу и живу, причем очень интенсивно и весело. Крыс все может. Тем более в свой год. Так что обращайтесь, если что.